

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Смертельное намерение (перевод с английского)

Я сжал в руке твердую, неумолимую сталь, словно от этого зависела моя жизнь. Рукоятка пистолета казалась удобной, даже манящей, как будто была сделана специально для меня. Мой палец завис над спусковым крючком, опасно подергиваясь. Одно нажатие. Это было все, что требовалось. Одно маленькое нажатие, и я мог бы оборвать жизнь. Именно так. На меня нахлынуло ошеломляющее чувство божественной силы.

Убить кого-то не должно быть так уж просто. Но это просто.

По моему лицу текли слезы, а в груди сжималось сердце. Оно искривлялось в неестественных направлениях, скручиваясь в неузнаваемую форму. Мне было трудно мыслить трезво: все что я мог делать, — это чувствовать. Чувствовать боль, ярость, бессильную безнадежность. Они были как вездесущие существа, притаившиеся внутри меня, почти живые.

Убей ее, — шептала мне в ухо ярость демоническим голосом, сочащимся злом. Боль, напротив, громко кричала в агонии. Безнадежность просто хотела полностью отказаться от жизни. Все трое были вынуждены стать свидетелями того ужасного шоу, на котором я сидел в первом ряду.

Просто нажми на курок, — скандировали мои темные пассажиры. — Заставь нас почувствовать себя лучше.

Попытался включиться мой рациональный мозг. Хороший, порядочный человек внутри меня пытался вернуть меня. Он говорил мне, что после того как я сделаю это, ничто уже не будет прежним. Возврата к тому, что было раньше, не будет. Моя судьба будет решена. Я официально стану убийцей.

О чем он говорит? Все уже изменилось. Она позаботилась об этом, когда предпочла его мне. Именно ее выбор привел нас троих сюда.

Это она виновата! Она сделала это. А теперь заткнись и дай мне дать ей то, что она заслужила.

Ужасный день, когда она сказала мне, что наша совместная жизнь закончилась, был неделю назад. С голосом, полным сожаления и комком в горле, она сказала мне, что должна уйти. Она должна быть с ним. Ее любовью.

Хотел бы я сказать, что воспринял эту новость как мужчина. Жаль, что не могу сказать, что я предложил этой сучке пинать камни на ее пути из моей жизни навсегда, и окончательно захлопнул дверь за ее изменнической задницей. Но я ничего этого не сделал. Вместо этого я утратил все свое достоинство. Все до последней унции. Я бросил его к ее ногам, умоляя не уходить. Я, блядь, умолял! Сидел и плакал, как вдова на похоронах, умоляя ее любить меня. Любить меня больше, чем она любила его. Мы столько пережили! У нас были планы на будущее. Мы собирались взять нашего ребенка и переехать в тот большой дом, который ей нравился. Это был дом ее мечты. Она представлял себя в доме, как этот, когда была ребенком. И все же этих планов было недостаточно, чтобы она решила остаться со мной. Наша «любовь» была недостаточно сильна, чтобы удержать ее от того, чтобы снова и снова ложиться в его постель за моей спиной. Конечно, ее было недостаточно, чтобы отпустить его. — Мне жаль, что тебе пришлось узнать это таким образом. Я люблю тебя, правда. Но не могу его бросить. Я должна идти за моим сердцем, — плакала она, обнимая меня, умоляя понять. Я

чувствовал влагу на ее щеках, когда она прижалась к моему лицу. С каждым всхлипом ее прерывистое дыхание танцевало на моей шее.

Что это было, что она хотела, чтобы я понял? Неужели она на самом деле ожидала, что я облегчу ей задачу? Неужели я должен был просто дать ей свое благословение, чтобы она нашла счастье без меня? Она что, совсем спятила?

Я отдал ей все. ВСЕ! Я бы дал больше, если бы она попросила. Но это? Это было то, чего я никогда не дам ей. Я НИКОГДА не дам ей своего благословения быть с другим мужчиной. Как может какой-либо мужчина согласиться с этим? Как он может просто сидеть сложа руки, в то время как женщина, которую он любит, спит с другим мужчиной?

Я убью ее. Она должна умереть!

Я прицелился ей в спину. Железная мушка, торчавшая из передней части пистолета, идеально расположилась между двумя выступами сзади, точно так же, как я практиковался в тире. Она была совершенно ровной, указывая прямо на то место на ее позвоночнике, которое он хотел разрушить. Прямо в точку. Я могу прикончить ее в любой момент, и она даже не поймет, что ее ударило.

Ее лопатки ритмично двигались, в то время как ее тень танцевала на стене освещенная свечами комнаты. Ее маленькие, ухоженные руки были крепко прижаты к его груди, чтобы дать ей рычаг, в котором она нуждалась, чувственно вращая бедрами на нем. Даже мягкость ее силуэта была прекрасна. Как могла такая прекрасная и эротичная сцена быть такой отвратительной?

Мой разум дразнил меня воспоминаниями о том, как я провел руками по изгибу ее позвоночника. Я практически чувствовал ее нежную кожу на своих губах, пробегая поцелуями от ее лопатки вниз к изгибу ее ягодицы. Призрак ее глаз, с вожделением смотревших на меня, в то время как мы занимались любовью, был достаточно реален, чтобы мои губы растянулись в улыбке.

Воздух пронзил тихий стон, вырывая меня из задумчивости. Она откинула голову назад и сделала вдох после стога, как будто готовилась испустить еще один. Хотя и не мог видеть ее лица, я точно знал, как оно выглядит. Это было выражение красивой женщины на пороге оргазма. Я видел его так много раз, что, наверное, мог бы закрыть глаза и нарисовать картину. Ее дрожащие губы были приоткрыты, глаза крепко зажмурены, а на лбу застыло напряженное выражение.

Ее бедра ускорились, когда она погналась за этим моментом сладкого освобождения. Говнюк под ней качал тазом, чтобы вонзаться в нее снова и снова. Они плавно двигались вместе, каждый из них работал над партнером. Они полностью отдали свои тела этому моменту. Они были как пассажиры в блаженной поездке.

Я вспомнил те дни, когда мы с ней были так же синхронны. Черт, это было всего неделю назад!

Руки ублюдка, ласкающие ее грудь, вызывали у меня тошноту, почти тошноту. Слышать его стон в унисон с ее, чувствовался как еще один удар в грудь. Я видел, как его глаза похотливо и оценивающе блуждают по ее изгибам, в то время как ее змееподобные движения используют его тело для собственного удовольствия. В комнате было на несколько градусов жарче, чем в остальном доме. Это было похоже на то, что их ебля горела при температуре, бросавшей вызов законам физики.

Как и моя ярость.

Они были так увлечены друг другом, что даже не поняли, что я нахожусь в комнате. Они не слышали, как я вошел в дом, поднялся по лестнице и со скрипом открыл дверь. Теперь же они стояли перед лицом неминуемой смерти и ничего не знали. Они потерялись в своем море нирваны.

Я превращу это в реку крови и возмездия.

Как она могла быть с ним? Как она могла так легко разлюбить меня? Что бы она ни говорила, она не могла одновременно любить меня и так со мной поступить. Ни один человек, который любит кого-то, не разбил бы его сердце так легко.

Любила ли она меня когда-нибудь?

Мое сердце забилося быстрее, одновременно от гнева и предвкушения. Я мысленно приготовился к внезапному выстрелу, который раздастся после того, как я нажму на курок. Я слабо пытался успокоить нервы и унять дрожь в руках. Стрелять по бумажным мишеням в тире — это одно, но вот так...

Слезы жгли глаза, когда перед ними все расплывалось. Держать пистолет наготове становилось с каждым мгновением все труднее. Я так сильно хотел их смерти, что чувствовал вкус их крови. Но я не мог справиться со своим внутренним голосом. Мои демонические пассажиры пытались заставить его замолчать, но он был там, умоляя, чтобы его услышали. Это неправильно.

Он был прав. Это было неправильно. Но стоять, наблюдая за их гармоничным занятием любовью, было самым трудным, что мне когда-либо приходилось делать. Они словно танцевали под свою собственную музыку. Его руки целенаправленно двигались вдоль ее тела, как будто принадлежали этому месту. Его мягкие ласки вдоль ее эрогенных зон побуждали ее продолжать свой путь к кульминации. Пощипывание левого соска вызвало новую волну стонов, исходящих из ее рта. В этот момент я понял, насколько хорошо он ее знает. Он знал ее тело. Каждый сантиметр. Он был внутри нее чаще, чем мне хотелось думать.

Она была лгуньей. Чертовой лгуньей.

Она сказала мне, что ее тело было предназначено только для меня. Я был единственным, кто имел счастье наслаждаться ее женственными формами. Она сказала, что принадлежит мне. Но этот придурок лежал и наслаждался мыслью, что занимается любовью с женщиной, которая принадлежит ему.

Пули умоляли меня выпустить их из патронника. У них было горячее желание делать то, для чего они были созданы. Они должны были выполнить свое предназначение.

Они были голодны. У них была ненасытная жажда крови. Его крови, ее крови, они возьмут даже мою, если я захочу.

Я почувствовал, как мой палец напрягся на спусковом крючке. Я моргнул, чтобы прогнать влагу. Мой взгляд снова был прикован к ее спине. Я опять ясно видел свою цель. Я точно знал, куда войдет пуля и какой урон она ей нанесет. Она не убьет ее сразу. У нее еще останется несколько мгновений передышки. Этого времени ей хватит, чтобы увидеть, как он присоединится к ней в ее путешествии в ад.

Умри, сука. Умри от боли.

Как раз перед тем как я освободил ад и муки, я увидел нашего сына. Физически его не было в комнате, скорее — вспышка памяти в моей голове. Я увидел его лицо, похожее на мое. Его улыбку. Его волосы. Бобби-младший был точной копией меня.

Мой палец расслабился, когда его глаза заглянули мне в душу. Как я мог так поступить с

ним? Этот акт мести не закончится тем, что изменщица истечет кровью в объятиях своего любовника. Для Бобби это будет лишь начало. Мое возмездие будет за его счет.

Черт!

Я был не самым внимательным отцом. Я был здесь не ради него, как должен отец. Я был для него практически незнакомцем. И все же, я любил его. По-своему я его любил.

Любил ли я его настолько, чтобы позволить его матери безнаказанно сжигать мое сердце? Любил ли я его настолько, чтобы оставить все в прошлом ради него?

Да. Любил.

При этой мысли пистолет начал опускаться. Он больше не был направлен в ее спину. Я еще немного умер внутри, позволив ускользнуть своей возможности для правосудия. Мне это было необходимо. Мне действительно это было нужно. Но он нуждался в ней больше, чем я в возмездии.

Приняв решение, я начал медленно пятиться из комнаты. Я молча, легко делал каждый шаг, отступая. На заднем плане два дурака продолжали заниматься любовью, совершенно не обращая внимания на то, как близко они подошли к своему концу.

Я уже почти вышел. Почти освободившись от тисков мести. Моя душа осталась нетронутой. Но у судьбы жестокое чувство юмора.

Как раз в тот момент, когда я решил поступить достойно, я услышал это. Этот выворачивающий внутренности звук был таким ужасным, таким неправильным, что чуть не убил меня.

Нет, это не был звук ее кульминации, взрывающейся в оргазме, что послал смертельный выстрел через меня. Было больно, но не так сильно, как потом.

— Я люблю тебя, детка.

Ее тихий голос был едва слышен, но слова звучали оглушительно. Эти четыре слова мгновенно поглотили меня, наполнив такой агонией, что едва не искалечили. Она говорила мне те же самые слова, тем же самым тоном. Они были произнесены хриплым голосом, который дрожал из-за ее оргазмического состояния, но они были полны любви и привязанности.

Она любила его. Она любила его?

Мгновенно я почувствовал себя за бортом и тонул в море боли, безнадежности, отчаяния и раскаленной добела ярости. Я не мог плыть, не мог дышать. Вода была слишком беспокойной. Волны были слишком сильными. Чем больше я боролся с этим, тем больше мои легкие горели, наполняясь.

Наконец я сдался. У меня не хватило сил сопротивляться. Судьба победила. Они должны были умереть. Я покончу с их миром навсегда.

Но не так. Только не этим пистолетом. Я не дам им покоя, который могла бы обеспечить безмолвная смерть.

Я хотел, чтобы им было так же больно, как мне. Я хотел, чтобы они почувствовали ту же потерю, что и я. Умерев, они этого не почувствуют. Одним из их последних их воспоминаний будет сладкая любовь, которую они испытывали. Это просто никуда не годится.

Мне хотелось чего-то другого. Я хотел вырвать их друг у друга из рук, брыкаясь и крича. Я хотел измазать все, что касалось их любви. Мне хотелось взять все, что им было дорого, и задушить их этим.

Я оставил их наедине с их любовью. Я дам им отсрочку на сегодняшний вечер. Только на

сегодняшний вечер. Я надеялся, что им это понравится. Это будет мой последний подарок им. «Перо сильнее меча».

Эдвард Бульвер-Литтон

Я собирался убить их тысячу раз, используя более мощное оружие, чем моя девятимиллиметровая «Беретта». Я заставлю их просыпаться каждое утро и сожалеть о своем существовании с помощью простого устройства. Ручки.

Через полчаса я вошел в свою пустую квартиру со зловещей улыбкой на лице. Печаль и боль, которые я чувствовал, были скрыты моим неутолимим желанием увидеть их страдания. Я хотел видеть ее лицо, искаженное такой глубокой утратой, чтобы оно соответствовало тому, что я видел в зеркале, думая о ней.

Я сел за стол и достал ручку и блокнот. Потом начал писать.

Слова выплескивались из меня как рвота. Моя боль отрыгивалась и расплескивалась по бумаге. Потребовалось пять черновиков, пока я, прочитав то, что написал, остался доволен. Затем я запечатал их судьбу в конверт, наклеил марку и подошел к ближайшему почтовому ящику, чтобы бросить письмо. Я мог бы просто положить его как исходящую почту в свой почтовый ящик, но мне пришлось прогуляться и бросить его, чтобы быть уверенным, что не смогу передумать.

Едва бросив письмо в почтовый ящик, я остался с одиноким чувством отверженности, а также с гневом от предательства. Когда я тащился обратно в свою квартиру, мои плечи поникли под тяжестью мира.

Черт возьми! Я ненавижу ее до чертиков. Я ненавижу ее! Я...

Я все еще любил ее. Моя гордость не хотела этого признавать, но это была правда. Я буду любить ее еще в течение некоторого времени.

Тем не менее, во мне остался маленький кусочек надежды. Я знал, что жизнь двинется в одну сторону или другую. Что бы ни случилось с Рэйчел, дни превратятся в недели, которые превратятся в месяцы и годы. Однажды все сегодняшние события исчезнут в эфире истории. Они превратятся в печальную историю моего прошлого. Завтрашние текущие события затмят сегодняшние.

Дойдя до своего порога, я хихикнул про себя при одной последней мысли. Примерно через три дня я изменю ее жизнь так, что она никогда меня не забудет. Сколько бы времени ни прошло, она никогда не сможет отмахнуться от меня как от исторической точки в истории ее жизни.

Я буду тем придурком, который изменил ее будущее.

ПИСЬМО

Дорогой Роберт Хэмсли-Старший!

Меня зовут Джонатан. Ты меня не знаешь, так что, не утруждай себя попытками вспомнить мое лицо. Мы встречались однажды, около трех лет назад, но сомневаюсь, что ты вообще помнишь меня. Это было на рождественской вечеринке, которую компания устраивает каждый год. Ты был так поглощен разговором с Рэйчел, что едва обратил на меня внимание. То, как ты смотрел на нее и танцевал с ней, создавало впечатление, что кроме вас там никого нет.

Сколько бы раз она ни признавалась мне в любви, это не соответствовало тому, как она смотрела на тебя тем вечером. Тогда я это понял. Я знал, что она влюблена в тебя больше, чем

в меня.

Тогда я впервые узнал, что ты существуешь. До того она никогда не упоминала о тебе в офисе. Она даже не носила обручального кольца. Как только она ступала в это здание, тебя уже не существовало.

Я не должен была присутствовать на той вечеринке. Она пыталась придумать любой предлог, чтобы удержать меня дома. Но я настоял. Я хотел быть с ней этим вечером. Поэтому я проигнорировал ее неубедительные аргументы и все равно пришел. Боже, неужели это бы самый большой сюрприз в моей жизни?! Надо было выбросить ее из головы и бежать со всех ног. Но я не мог. Я отказывался в это верить, что бы ни говорила мне моя голова. Вместо того я поверил ее лжи, когда она сказала мне, что ты для нее ничего не значишь и что я — единственная любовь в ее жизни. Я поверил им, потому что так захотело мое сердце.

Хотя я знаю тебя, ты не знаешь меня. Однако ты знаешь женщину, которую я люблю. Ты хорошо ее знаешь.

Видишь ли, ты знаешь ее, потому что вы женаты.

У нас с ней роман уже четыре года. Я знаю, о чем ты думаешь. Да, мы вместе чуть больше трети вашего брака.

Скорее всего, ты списываешь это на ошибку. Может быть, это письмо предназначалось для какого-то другого неудачника-мужа. Или, может быть, я путаю твою Рэйчел с другой женщиной, носящей то же имя. Этот последний клочок надежды, за который ты отчаянно цепляешься, не позволит тебе поверить, что твоя жена когда-нибудь сделает это с тобой.

На данный момент я могу доказать тебе это, описав интимные части ее тела. Знаешь, те части, о которых мужчина не может знать, если не видел ее в муках страсти. Я и впрямь мог бы это сделать, но не обязан. У меня есть доказательства гораздо более точные.

Мой сын. Все, что тебе нужно, это проверить Бобби-младшего. Я говорю, что твой сын — это не твой сын. Он — мой сын. Я — его биологический отец. У него может быть твоя фамилия, но в нем течет моя кровь. Не веришь? Что ж, хорошо, что мы живем в мире возможностей добраться до истины. Все, что требуется, — это мазок изнутри его щеки. Но я сэкономлю тебе время. К этому письму прилагается копия ДНК-теста, который твоя жена сделала пару лет назад. Она не знает, что она есть у меня. Оригинал она уничтожила. Однако, когда она спала в моей постели после того как показала его мне, я сделал копию. Может быть, я подсознательно подозревал, что мы втроем окажемся в этой точке.

Сегодня вечером я был в твоём доме. Я видел, как вы двое трахались в своей постели. Это было самое тяжелое, что мне когда-либо приходилось вытерпеть. Я все время вспоминал, как мы с Рэйчел занимались любовью на этой самой кровати. Каждый раз, когда тебя не было в городе, я был рядом с ней. Ты выглядел таким довольным. Ты был уверен, что она — твоя и только твоя. Хочешь услышать что-нибудь смешное? Наверное, нет, но я все равно скажу. Чуть больше недели назад у меня была та же уверенность, в той же самой постели. Те же самые слова, что она сказала тебе, она говорила мне много раз.

Ты, наверное, удивляешься, как я проник в твой дом незамеченным и почему вообще оказался там. Ну, как — это просто. Я знаю, где ты держишь запасной ключ. Я несколько раз пользовался им, чтобы проникнуть в твой дом незаметно для соседей. В те теплые ночи я поднимался по твоей лестнице и входил в твою спальню. Рэйчел была там, в твоей постели, и ждала меня.

Мне удалось остаться незамеченным, потому что я так хорошо знаю твою гостиную, что могу

ходить с завязанными глазами и ни во что не врезаться. Мне удалось подняться по лестнице тихо, потому что я знаю, какие ступени скрипят. Рэйчел всегда была непреклонна в том, чтобы не будить нашего сына (да, он был дома, спал в своей комнате), поэтому всегда заставляла меня ходить на цыпочках.

Почему я был там сегодня? Ответ на этот вопрос немного сложнее. Нет смысла ходить вокруг да около, поэтому я просто скажу. Я был там, в вашем доме, чтобы убить вас обоих.

Хочешь знать, что меня остановило? Мой сын. Я знал, что убийство вас двоих навсегда изменит его жизнь. Я не мог поступить так с ним. Он этого не заслуживает.

Мне бы очень хотелось сказать тебе, что я сожалею обо всем этом, но это не так. Тебе нужно знать, на какой женщине ты женат. Любовь, которую ты разделяешь с ней, не только твоя. Эта женщина не только твоя. Прежде чем решила покончить с нашими отношениями, она пыталась понять, как бросить тебя. Мы собирались жить вместе. Я не знаю, почему она вдруг передумала и решила остаться с тобой. Думаю, в этом аспекте ты победил.

Но правда ли ты это сделал? Делает ли это знание ее любовь менее особенной? Больно ли знать, что она может так легко отдать свою любовь другому? Поскольку это больше не редкий предмет, разве это делает данную любовь менее ценной? Тебя это огорчает?

Я надеюсь, что это так. Я надеюсь, что боль, которую ты испытываешь, сделает тебя умнее, чем меня. Я надеюсь, что ты сделаешь то, что должен был сделать я, когда понял, что ее ласковые слова любви были ничем иным, как ложью.

Если ты беспокоишься о том, что тебе придется оглядываться через плечо, не стоит. Я закончу это письмо обещанием. Тебе не нужно беспокоиться о том, что я попытаюсь закончить то, что начал. Я больше никогда тебя не побеспокою. Ты можешь наслать на меня полицию и арестовать за взлом и проникновение, если хочешь, но готов поспорить, что этого ты не сделаешь. Держу пари, ты понимаешь, что твоя ссора — не со мной, так же как и я понял, что моя — не с тобой. Разве ты не предпочел бы думать обо мне как о парне, который открыл тебе глаза?

Я никогда больше не побеспокою вас, потому что вы оба в моем прошлом. Мне требуется отпустить ее и исцелиться. Я смогу пережить боль от ее потери. В конце концов, я буду двигаться дальше, а она будет просто пулей, от которой я уклонился. Чего я не могу пережить, так это боли, которая приходит с постоянной ненавистью к ней. Она этого не стоит. Уже нет.

Если хочешь моего совета, избавься от нее. Потеря, которую ты почувствуешь, сделав это, поблекнет по сравнению с тем, что ты будешь переживать, если тебе всегда придется удивляться. Каждый день ты будешь спрашивать себя: «А не бросит ли она меня сегодня ради другого мужчины?» Поверь, когда я говорю тебе, что смотреть, как она уходит из твоей жизни, — это достаточно, чтобы заставить мужчину делать невозможные вещи.

Прими этот совет, чего бы он ни стоил.

Искренне покончивший с ней,

Джонатан

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Я в миллионный раз взглянул на часы и уставился на прыщавого подростка, который никак не мог сообразить, как сделать простой бутерброд. Сколько времени это займет? Если бы я знал, что его будет так долго ждать, я бы вернулся туда и сделал все сам.

Я и так был в плохом настроении. Прошло два с половиной года, с тех пор как я был здесь в последний раз. С ним было связано много плохих воспоминаний. Мои планы состояли в том,

чтобы закрыть этот контракт, который послала меня заключить моя работа, и срочно обратиться к черту отсюда. Если мне повезет, я смогу сделать это, не наткнувшись на призраки из моего прошлого.

— Джон?

Мне никогда не везет.

Я услышал свое имя, произнесенное почти шепотом, стоя в очереди и ожидая, когда соберут мой заказ на обед. Тихий, грустный голос донесся из-за моей спины. Мне не требовалось оборачиваться, чтобы узнать владелицу. Я запомнил его. Когда-то, услышав, как она произносит мое имя, мое сердце бы затрепетало.

Но теперь уже нет.

Я повернулся лицом к прекрасной сирене моего прошлого. Рэйчел. Мои глаза снова встретились с ее глазами, как и много раз до этого. Странное чувство дежа-вю нахлынуло на меня.

Это было там, где было наше первое свидание много лет назад. Это было не совсем свидание. Оно больше походило на обед с коллегой. По крайней мере, так мы говорили себе в то время. Делали наш общий обед совсем не невинным. В то время я ничего не знал о ее муже. Для меня она была доступной женщиной. Но, если быть до конца честным, мне было бы все равно, если бы и знал. Как только я посмотрел ей в глаза и услышал ее гортанный смех, я пропал. Я поддался ее чарам, ее песне и, в конце концов, встретил свою судьбу.

Да, я испытывал ностальгию по эротическим воспоминаниям, которые были у нас с Рэйчел. Но за этим последовали и другие воспоминания. Разочарование. Одиночество.

Невменяемость.

Рэйчел сверкнула легкой улыбкой и помахала мне рукой, когда я повернулся к ней.

— Я подумала, что это ты, — сказала она, одарив меня еще одной.

— Привет, Рэйч, — сказал я, невольно сделав то же самое с ней. Старая привычка. Она все еще была нокаутирующей. Я не мог не оценить это. — Не ожидал столкнуться с тобой здесь.

Я был приятно удивлен тем, насколько спокойным было мое внутреннее состояние. Мой голос был ровным и полным искренней сердечности. Мне вовсе не нужно было притворяться. Было время, когда, просто услышав ее имя, даже если оно обращались к другой женщине, меня бросало в штопор. Но вот я стою перед объектом своей гибели и чувствую себя полностью под контролем.

— То же самое. Ты пропал с концами, когда перевелся. — Ее глаза на мгновение прервали контакт и посмотрели вниз. Что-то похожее на меланхолию промелькнуло на ее лице, но это была быстрая вспышка.

Я кивнул в знак согласия.

— Да, мне нужно было уехать. Мне нужно было сменить обстановку, понимаешь? Мне нужно было... пространство.

Она мрачно кивнула на то, что осталось невысказанным.

— Да. Думаю, нам обоим это было необходимо.

Последовало неловкое молчание. Она выглядела так, будто собиралась сказать что-то еще, но я услышал, как меня вызвали. Мне пришлось резко оторваться от разговора, чтобы узнать официанта. Как только я посмотрела ему в глаза, давая понять, что еда моя, я быстро вернул свое внимание к Рэйчел.

— Что ж, моя очередь. Было приятно повидаться с тобой, Рэйч.

Она улыбнулась мне тонкими губами и выдохнула слишком громко. Она, казалось, еще не закончила этот разговор и была немного расстроена тем, что нас прервали. Но все, что она сказала, было:

— Тоже было приятно повидаться с тобой, Джон.

С этими словами я отвернулся от нее, чтобы идти за едой. Я уже собрался уходить, но, когда проходил мимо Рэйчел, она легонько схватила меня за руку, чтобы остановить.

— Эй, Джон, ты торопишься? Я надеялась, что, может быть, мы сможем, Ну, знаешь, поговорить. Между нами оставалось много недосказанного.

Мне хотелось отказать ей. Переулок памяти — это не совсем прогулка по парку. Но в глубине души я знал, что она права. Ситуацию действительно требовалось немного прояснить.

— Конечно. Мне не обязательно возвращаться прямо сейчас. Я займу столик вон там, и подожду тебя, — сказал я, указывая на пустой столик в углу ресторана. Она откинула голову назад и бросила взгляд через плечо, чтобы увидеть, куда я указываю. Ее волосы рассыпались веером от быстрого движения головы. Если бы на нее были направлены камеры, этот момент можно было бы замедлить и превратить в рекламу шампуня за миллион долларов.

— Окей. Я возьму свой заказ и присоединюсь к тебе, — с улыбкой сказала она.

Я уселся за стол и принялся раскладывать содержимое своего обеда. Я был в легком раздражении, потому что у меня был пакет с едой вместо подноса, но использовать свой пакет в качестве тарелки для смены еды было не так уж плохо. Примерно через пять минут в кресло напротив меня села Рэйчел.

Сначала мы оба молча ели. Это была ее вечеринка, поэтому я предположил, что она начнет все сначала. Хотя у меня были некоторые жгучие вопросы, которые мучили меня в течение последних нескольких лет, я не мог подобрать слов, чтобы задать их. Я надеялся, что она начнет говорить и выведет меня на то, что мне требовалось знать.

Очевидно, у нее была такая же надежда. Итак, мы оба сидели в неловком, напряженном молчании. Жуя. Никто из нас не пытался смотреть друг другу в глаза. Краем глаза я заметил, что она смотрит на дальнюю стену. Я делал то же самое.

— Почему ты так поступил со мной, Джон? Почему ты разрушил мою жизнь? — Я посмотрел на нее и увидел, что ее глаза полны слез.

— Пистолет или письмо?

— И то, и то. В основном — письмо. Я на самом деле понимаю оружие, хочешь верь, хочешь нет.

— Но не понимаете письма? Неужели?

Она шмыгнула носом и вытерла глаза.

— Нет, не знаю... Не совсем... Я могу понять твоё желание убить меня, хотя никогда не поверю, что ты мог пойти на это. Ты — слишком хороший парень. Но я бы никогда не ожидала, что ты сойдешь со своего пути и намеренно причинишь мне такую боль. Этим письмом ты решил разрушить мою жизнь. То, как оно было написано — это было похоже на то, что ты намеренно выбрал формулировку, которая нанесла бы наибольший ущерб. Я думала, что ты другой.

Я не мог понять, что я чувствовал, слыша, как она говорит это. Больше всего меня это раздражало. Она разбила мое сердце так же легко, как ребенок разбивает прекрасный фарфор, и теперь осуждает меня за то, что я сделал в отместку? Даже не осуждая меня за попытку убить ее. Это она понимала. Ей было обидно, что я сказал о ней правду.

Несмотря на мое праведное негодование, было что-то еще, что я тоже чувствовал. Хотите верьте, хотите нет, но в то же время я чувствовал себя виноватым. Не за то, что я с ней сделал, а за то, почему это сделал.

После того как справился с болью, я смог оглянуться назад на свое время с Рэйчел. Все воспоминания, которые у меня были с ней, все признания в любви, они были не моими. Они принадлежали ему. Я чувствовал себя плохо, потому что сделал это не потому что так было правильно. Я не был честен. Я сделал это как пассивно-агрессивный акт мести за разбитое сердце.

Она была права. Я был совсем другим. Меня всегда учили поступать правильно. Мой отец говорил мне не так. Но все время, что я проводил с ней, после того как узнал, что она замужем, я был кем-то, кого не узнавал.

Но будь я проклят, если она будет меня судить!

— Ты думала, что я чем-то отличаюсь? Ты серьезно? Нет, ты думала, что я просто исчезну и сохраню твой маленький грязный секрет. Это не я изменял твоему мужу, Рэйчел. Это все ты. Я его не знал. Я не любил его. Его любила ты. Ты клялась вместе с ним, а потом нарушила эти клятвы со мной. Теперь ты хочешь свалить на меня последствия своего неудачного брака, потому что я рассказал ему, что ты с ним сделала? Я считаю это ерундой. Если ты хочешь обвинить кого-то в том, что твой брак разваливается, посмотришь в зеркало.

Ее голова резко повернулась ко мне, наши глаза, наконец, встретились. Я видел за ними маленькие угольки гневного огня, но они быстро погасли. Она не могла спорить с правдой, знала, что я прав. Через мгновение ее глаза снова разорвали контакт, на этот раз глядя вниз на свою еду.

— Ты прав, — неохотно согласилась она.

Еще одно неловкое молчание грозило поглотить нас, так что я решил, что настала моя очередь спросить то, что тайно не давало мне покоя, даже после всего этого времени.

— Почему ты не выбрала меня? Если ваш брак был таким плохим и нелюбимым, как ты утверждала, почему ты оставалась в нем? После всех тех раз, когда говорила, что любишь меня, и всех планов, что мы строили, ты все еще оставалась с ним. Почему?

Она жевала жаркое, чтобы не отвечать сразу. Я ждал, пока она снова заговорит. Теперь была ее очередь продолжать. Я не собирался выручать ее, заговорив первым.— Я действительно любила тебя, Джон. Это правда. Я хотела бросить его и сбежать с тобой. Когда я была с тобой, казалось, что весь мир переставал двигаться. Все остальное не имело значения. Когда я была далеко от тебя, я мечтала о том, чтобы снова тебя увидеть...

— Но? — спросил я, когда она замолчала на мгновение дольше, чем следовало. Я боялся, что у нее кончится инерция.

— Но его я тоже любила. Извини. И это тоже правда. Я знаю, что говорила тебе, будто брак в беде. Какое-то время так оно и было.

Ее взгляд стал отсутствующим, прежде чем она продолжила.

— Мы оба были очень молоды, когда познакомились. На самом деле мне всего несколько месяцев назад исполнилось двадцать. Тогда все дело было в сексе. Мы не могли оторваться друг от друга. Всего через шесть месяцев знакомства мы поженились. У нас даже не было настоящей свадьбы. В то время это не имело значения. Единственное, о чем мы заботились, — это клятва в вечной любви.

— Первые несколько лет были замечательными. Мы занимались сексом при каждом удобном

случае в любом хоть чуть прикрытом месте. Мы не могли прожить больше нескольких часов, не позвонив друг другу, когда нас разлучали. Мы даже вместе принимали душ каждое утро, перед тем как идти на работу. Затем между нами возникла напряженность. Работа стала отнимать у нас все больше времени. Нужно было оплачивать счета. У нас стало меньше времени друг для друга, потому что мы постоянно работали.

— Когда его повысили, мы подумали, что это — ответ на наши молитвы. Но все было не так. На самом деле это увеличило разрыв между нами. Его не было больше времени, потому что у него было больше ответственности. Вдобавок ко всему, мне все еще приходилось работать, потому что даже с учетом того, что ему платили больше, этого не хватало. Казалось, когда была дома я, не было его, и наоборот. Потом, когда мы были дома вместе, все, чего мы хотели, — это спать и отдыхать.

— И вот тут ты встретила меня, — перебил я, складывая эту часть воедино. Она кивнула.

— Да. Когда я встретила тебя, то уже забыла, каково это-быть желанной и любимой. Я имею в виду, мужчины всегда смотрели на меня, но с тобой было что-то не так. Ты заставил меня почувствовать это, как и он, когда мы впервые встретились.

— Это открыло мир, который я закрыла внутри себя. Флирт, сексуальные шутки — все это заставляло меня чувствовать себя желанной. Когда я попыталась возродить сексуальную жизнь между Робом и мной, он расстроился. Поэтому я перестала пытаться. То есть с ним. Она посмотрела на меня и поймала мой взгляд. Я кивнул в знак согласия на ее заявление.

— То есть, я предполагаю, что я просто должен была быть любовником на работе. Верно?

На этот раз кивнула она.

— Сначала да. Вообще-то, ты должен был быть одноразовым.

— И что изменилось?

Она посмотрела на меня с застенчивой улыбкой и сказала:

— У тебя это так хорошо получалось, что я не могла остановиться.

Мне пришлось рассмеяться.

— Спасибо за поддержку эго.

— Это не ради повышения эго. Я просто рассказывала тебе, почему я продолжала с тобой.

— Окей. Итак, ты хотела романтическую ночную работу, но я так хорошо уложил тебя в спальне, что ты не могла остановиться. здесь никакого повышения эго. Пожалуйста, не стесняйся, продолжай, — сказал я с игривой ухмылкой на лице, потягивая свой напиток.

— В любом случае... — сказала она, бросив на меня игривый взгляд и швырнув в меня салфетку, — я продолжала встречаться с тобой. Чем больше я с тобой виделась, тем ближе становился ты. Я постепенно теряла любовь к мужу.

Это оживленное подшучивание между нами напоминало о давно прошедшем времени. Но этот разговор не должен был разжечь эти чувства. Он должен был дать ответы, в которых мы нуждались.

— Почему ты просто не развелась с ним? — спросил я, возвращая нас обратно. Вместе с этим вопросом исчезла игривость, и разговор снова стал серьезным.

Ее лицо приняло мрачное выражение.

— Честно говоря, не знаю. Я определенно планировала это. Я даже разговаривала с адвокатами по разводам. Я твердила себе, что в конце концов, сделаю это. Все что мне было нужно — это правильное время.

— Но ты так этого и не сделала. Хотя всегда говорила мне, что сделаешь. — Я сделал паузу и

положил локти на стол, сложив ладони вместе и образовав треугольник. Затем я положил подбородок на кулаки. С выдохом, я сказал: — Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, что никогда не было подходящего времени, потому что ты никогда не собиралась этого делать. Я прав?

Она вытерла слезу с глаз и кивнула.

— Да.

Я поджал губы, нахмурившись, и подавил вялый ответ, который пытался вырваться. Я поднял голову, сделала глубокий вдох и тщательно выбрал следующие слова:

— Тебе придется мне помочь, Рэйч, потому что мне кажется, что ты — бессердечная сука. Окей. Наверное, я недостаточно тщательно подбирал слова. И все же мой ответ был честным. Она посмотрела на меня полными боли и удивления глазами. Я вскочил и продолжил:

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты — не тот монстр, каким я тебя считаю? Но факты рисуют другую картину. Ты была замужем и заставила меня поверить в то, что ты одинока. Когда я узнал, что ты замужем, ты заставила меня поверить, что брак был в опасности, хотя только что призналась, что у тебя не было никакого реального намерения покончить с ним. Изначально я должен был быть наполовину трахающимся приятелем, но ты ходила со мной на свидания, говорила о будущем со мной и даже завела от меня гребаного ребенка. Ради Бога, мы даже вместе искали дом! Ты даже выбрала тот, что был точно таким, о каком ты мечтала, когда была ребенком. Но после всего этого... всего этого — ты сидишь здесь и говоришь, что это была всего лишь твоя фантазия. Я был отвлекающим фактором, чтобы развлечь тебя, пока ты ждала, когда твой брак вернется в нормальное русло.

— Это звучит так зло, когда ты так говоришь, — сказала она, все еще уязвленная моим нападением на нее. Я издал циничный смешок.

— Так оно и есть, не так ли? Ты должна была мне сказать, что просто играешь в игру, чтобы оживить свою жизнь. Может быть, тогда я не стал бы впутывать в это свое сердце.

Ей потребовалась минута, чтобы собраться с мыслями, прежде чем ответить.

— Я не пыталась играть с тобой, Джон. Наши отношения развивались быстрее, чем я ожидала, и я начала запутываться. Но ты не можешь честно сидеть и изображать ничего не подозревающую жертву. Да, я не говорила тебе, что замужем, но ты узнал об этом на той рождественской вечеринке. Ты ушел? Нет, ты все равно остался. Ты ведь уже много лет состоишь в отношениях с замужней женщиной! Тебе было наплевать на моего мужа. На самом деле ты хотел, чтобы я бросила его и взяла тебя на его место. Твоя ханжеская потребность в правде и справедливости проявилась только после того, как я выбрала не тебя. Может, я и жульничала, но знаешь, что? И ТЫ ТОЖЕ! По крайней мере, у меня хватает совести признаться в этом после стольких лет. Так что, пожалуйста, уйми свое высокомерие и перестань судить меня, как будто тебя нечаянно облапошили!

Какое-то время мы молчали, словно нуждались в передышке. Мне не хотелось это признавать, но в том, что она говорила, было много правды. Я действительно приложил руку ко всему этому. Конечно, она все еще имеет львиную долю, но и я внес значительный вклад в то дерьмо, которое разбрызгалось после того, как оно попало в вентилятор. Единственной настоящей жертвой во всем этом деле был Роб.

И все же, она была сумасшедшей, если чувствовала, что я виноват так же, как и она.

— Как бы то ни было, ты все равно солгала мне. Не только о том, что ты замужем, но и о том, как мало значил для тебя твой брак. Ты все время говорила мне, что вы оба двигались к

катастрофе, но я видел, как в тот вечер он смотрел на тебя, как вы оба смотрели друг на друга. Там была настоящая любовь. Ты заставила меня поверить, что этого не было, потому что знала, что если бы сказала мне правду, я бы не влюбился в тебя.

— Так вот о чем ты думаешь? Ты думаешь, что я придумала весь этот план, чтобы заставить тебя влюбиться в меня, дабы бросить тебя в последнюю минуту? Давай, Джон! — Она поерзала на стуле и скрестила руки. Мы сидели молча, слушая, как мои часы отсчитывают секунды. Вокруг нас весело разговаривали и ели люди, как будто нас не существовало. Забавно, как устроена жизнь. Независимо от того, насколько сильно страдает ваш мир, все остальное движется без каких-либо колебаний.

— Послушай, Джон, — начала она снова, нарушая молчание. — В то время, когда ты должен был быть временным, я не сказала тебе о Робе, потому что чувствовала, что это не имеет значения. План был в том, чтобы встречаться вместе, немного снимая стресс, а затем разойтись в разные стороны с приятными воспоминаниями. В глубине души я всегда думала, что мой брак в конце концов, вернется на круги своя. Я решила, что мы оказались в беспроигрышной ситуации. Я получаю мысленный перерыв от далекого брака, а ты получаешь свободный, без всяких условий секс. Чего я не ожидала, так это того, что ты будешь такой забавным и милым. Я не ожидала, что у нас будет такой секс, как был. Как ты прикасался ко мне, целовал, любил. Это было... прекрасно. Ты заставлял меня чувствовать себя красивой. Я должна была прекратить это после того времени. Ты был для меня проблемой. Но я этого не сделала. Через некоторое время я почувствовала, что меня все больше тянет к тебе. Когда это случилось, мне стало труднее сказать тебе. А потом случилась рождественская вечеринка.

— Да. Рождественская вечеринка, — уныло сказал я, когда на меня нахлынули воспоминания о том вечере. Узнать, что женщина, в которую я влюблялся, на самом деле была замужем за кем-то другим, было ударом в живот в бесконечной степени. Она пожала плечами.

— Ты говоришь, что мы с Робом были так влюблены в ту ночь. Так мы выглядели для всех. Все думали, что у нас идеальный брак. У нас это хорошо получалось: притворяться, что все хорошо.

— Но в конце концов ты выбрала его, так что, все это не могло быть фальшивкой. Прежде чем заговорить, она улыбнулась какой-то ностальгической улыбкой.

— Между нами что-то произошло. Я не могу точно сказать, когда и что это было. Но что-то щелкнуло. Может быть, это было с его стороны, или, может быть, я просто излучала другую вибрацию. Я не знаю. Все, что я знаю, это то, что мы только что снова начали щелкать. Казалось, мы так долго пробыли в этом густом тумане, что забыли о солнечном свете. Потом вдруг все прояснилось, и мы наконец увидели друг друга.

Я фыркнул и покачал головой. После чего горько улыбнулся и сказал:

— У тебя при этом был тот надоедливый роман на стороне, от которого ты должна была избавиться.

Она потянулась через стол и схватила меня за руку.

— Может, сначала все так и было, но ты стал намного большим. Ты можешь на меня злиться за многое. Господь знает, что у тебя есть варианты, из которых выбрать. Но я не могу позволить тебе думать, что я легко приняла решение отпустить тебя. Это было одним из самых трудных, что мне когда-либо приходилось делать.

Я вырвал у нее руку. Кого волнует, как тяжело ей было разбить мое сердце? Это не сможет

восстановить его. На самом деле, это выглядело довольно эгоистично. Уж не была ли она теперь жертвой?

— А как же наш сын? — спросил я, меняя тему. Мне надоело слушать, как сильно она не хотела причинить мне боль. Пора было переходить к другой теме, которая меня мучила.

— Бобби? А что с ним?

— Он знает обо мне?

Она снова была глаза, полные слез.

— Нет. Ему всего шесть лет, он слишком мал, чтобы понять это. К счастью, он был достаточно мал, чтобы не до конца понимать, что происходит между его отцом и мной. Все, что он знает, это то, что папа больше не живет с нами, но все равно проводит с ним много времени. Он получает двойные подарки на Рождество и на Дни рождения, и его отец приходит и берет его на мороженое. Если я и расскажу ему о тебе, то много лет спустя. — Она вытерла глаза, потом что-то вспомнила. Она посмотрела на меня прищурившись и спросила:

— Просто любопытно, наверное. Ты же знаешь, я всегда хотел сына. Я же тебе говорил. Теперь у меня он есть, но нет возможности принимать участие в любой части его жизни. Просто мне тяжело, вот и все.

Она продолжала смотреть на меня с подозрением.

— Ты ведь не собираешься устраивать скандал из-за Бобби? Если да, то не стоит, — сказала она голосом, в котором слышались и предупреждение, и угроза.

— Смотри, Рэйч. Я не пытаюсь все испортить для тебя. На самом деле нет. Но ты должна понять, через что я сейчас прохожу. У меня есть сын, который ничего обо мне не знает. Ты забываешь, что я хотел забрать тебя и устроить твою жизнь. Когда ты сказала мне, что беременна, и что ребенок, вероятно, мой, я мечтал о будущем с тобой и Бобби. Ты вырвала у меня эту мечту.

Она недоверчиво уставилась на меня, а потом ее лицо стало сердитым.

— Через что ты проходишь? Я должна понять, через что ты проходишь? Тебя не было три года, и ты даже не брал трубку, чтобы узнать, все ли в порядке с Бобби. Я не видела от тебя ни одного чека на алименты, и ты даже не пытался начать это делать. Так что, не смей сидеть здесь и пытаться претендовать на него, как будто тебя обманули.

— Причина, по которой я этого не делал, заключалась в том, что я был твоим маленьким темным секретом в течение четырех лет. Я не мог быть рядом со своим сыном, потому что если бы я был там, тебе пришлось бы сказать своему мужу, кто его настоящий отец.

— Окей. Я понимаю. А чем ты оправдываешь последние три года? — бросила она мне вызов.

— После того как ты взорвала мою жизнь и все рассказал Робу, почему ты не попытался помочь своему сыну?

— Мне нужно было уйти от тебя. Если бы я остался, то сделал бы что-нибудь безумное. Я ушел ради нашей безопасности.

Она откинулась на спинку стула и сердито посмотрела на меня.

— Значит, ты оставил своего сына — сына, которого всегда хотел, — потому что не мог контролировать себя рядом с матерью?

— Не смей оборачивать это против меня! Ты разбила мне сердце!

Она наклонилась вперед и бросила на меня вызывающий взгляд.

— Я ничего против тебя не имею, Джон, но одно хочу сказать: да, я разбила твое сердце. Я — ужасный человек для серьезных отношений. Но знаешь, у кого еще разбилось сердце? У

Роберта. На самом деле, его я разбила еще хуже, но знаешь что? ОН ОСТАЛСЯ НЕПОДАЛЕКУ РАДИ БОББИ! Возможно, он больше не хотел быть женатым на мне, но любил своего сына достаточно, чтобы найти способ остаться в его жизни. Он — отец Бобби, и был им все шесть лет. Это он записан в свидетельстве о рождении. Он присматривал за ним последние три года, хотя и знал, что биологически Бобби — не его. Он забирает Бобби от няньки, когда я не могу, и проводит с ним каждые выходные у себя дома. Он даже следит за тем, чтобы у меня в доме были все любимые Бобби блюда, когда у меня нет на это денег. Ты бы сделал это?

Единственным моим ответом было молчание. Впрочем, это не имело значения. Она и не ожидала ничего глубокого в ответ, продолжив:

— Роберт заслужил право быть отцом Бобби. Не ты. Я не собираюсь портить это ни для кого из них. Я уже сделала достаточно. Так что, мне жаль, что ты чувствуешь себя так, будто ты вытащил короткую спичку, но это то, что есть. Я забочусь о том, что лучше для Бобби, а ты — нет.

Как бы мне ни хотелось это отрицать, она была права на сто процентов. Я почувствовал укол ревности при мысли о том, что ее бывший муж оказался лучшим отцом чем я, но я не мог оспаривать факты. В моей жизни не было места для ребенка; по крайней мере, для того, что родился в таких условиях.

Я не был для Бобби лучшим вариантом, потому что, в конце концов, не смог быть рядом с ним как человек, который его вырастил. Я постоянно не присутствовал в его жизни. Я бы устроил жизнь в другом городе. Я действительно хотел иметь детей, но хотел всего. Я хотел, чтобы вместе с детьми шла жена. Эгоистично? Может быть. Но не так эгоистично, как было бы уничтожить то, что Бобби имел с Робертом-старшим только потому, что у меня были некоторые технические претензии на его происхождение. С ним рядом был отец, который с честью взял за него ответственность. Он выбрал Бобби, несмотря на все неприятности, что его окружали.

— Ты права, — сказал я, кивнув в знак согласия. Она заметно расслабилась и сделала глубокий вдох, как будто на минуту задержала дыхание.

— У меня только один последний вопрос, Рэйч. Если бы тебе пришлось делать это снова и снова, ты бы сделала по-другому? Ты бы выбрала меня?

Она на минуту задумалась, а потом посмотрела на меня странным взглядом. Я не мог сказать, что это было такое, но мне показалось, что она пыталась придумать лучший способ сказать то, что хотела.

— Да. Я бы поступила по-другому, но не так, как ты думаешь. — Она взяла паузу и снова посмотрела на меня тем же взглядом. На этот раз я разгадал его смысл. Она старалась не задеть мои чувства. — Если бы мне пришлось делать это снова, я бы вообще не связалась с тобой. Я влюбилась в тебя, и это помешало мне работать над моим браком. Как бы сильно я ни любила тебя, я всегда любила его больше. Я не понимала этого до тех пор, пока не стало слишком поздно, потому что я не была честна ни с тобой, ни с самой собой. У меня была любовь двух великих мужчин, и я потеряла их обоих, потому что не слушала свое сердце с самого начала.

Несмотря на то, что я уже преодолел боль прошлого, мне все еще было больно слышать, что наше время вместе было ошибкой в ее сознании. Я согласился с ней, но все равно это было похоже на очередной отказ.

Однако это было именно то, что мне нужно было услышать. Я также верю, что именно это

она и хотела мне сказать. Она должна была произнести эти слова вслух, чтобы дать им жизнь. Наверное, они вертелись у нее в голове с тех пор, как муж получил письмо. Произнося их вслух и слыша, как они произносятся, мы испытывали чувство завершенности. На этой главе мы оба могли закрыть книгу нашей жизни и убрать ее навсегда.

Вскоре после этого наш обед закончился. Больше сказать было нечего. Выходя из ресторана, мы попрощались. Мы даже напоследок обнялись, прощаясь. Затем она повернула налево, а я — направо. Каждый шаг, что мы делали, уводил нас все дальше и дальше друг от друга, когда мы покидали жизнь друг друга в последний раз. Ни один из нас не обернулся, чтобы посмотреть на удаляющуюся фигуру другого.